

Писица Бард

Дары проклятия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лисица Бард

Дары проклятия

«Автор»

2026

Бард Л.

Дары проклятия / Л. Бард — «Автор», 2026

Представь, читатель, что для всех вокруг ты — настоящий герой. Ты хранишь покой мирных жителей, заботишься о своём отряде, с которым убиваешь чудовищ. Это вся твоя жизнь. Но что, если однажды ты сам станешь чудовищем? Совершенно случайно. Глупо. Что тогда делать? Особенно, если заканчивать свою жизнь не хочется. Вилару придётся столкнуться с этим после укуса оборотня и узнать, что мир не так прост, каким казался ему всё это время.

© Бард Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1

5

Лисица Бард

Дары проклятия

Глава 1

Глава 1

В клыках судьбы

Пряный запах темноты,

Леса горькая купель.

Медвежонок звался ты,

Вырос — вышел лютый зверь.

Мириады звёзд рассыпались по ночному небу полем белых луговых цветов. И горе тому, кто будет настолько глуп, что попытается скрыться от этих всевидящих небесных очей.

Множеством своих белых глаз небо заприметило тёплый танцующий огонёк в окне высокой башни. Этот огонёк заставлял тени ритмично плясать и раскачиваться, дёргаться, искажаться. Таким было пламя — даже в контролируемом состоянии оно всё равно приносило в мир частичку хаотичного разрушения, хотя бы в тени тех, кого оно согревало. Своей же у него не было.

Тёплый свет оказался пламенем одинокой свечи, пленённой золотым подсвечником на краю старого, разбухшего деревянного стола. Стол этот помнил многое, судя по множеству чернильных пятен, бывших его собственной россыпью звёзд. Над миром пожившего стола склонился старик и что-то резво писал на пожелтевшей бумаге, яростно скрипя пером.

Нахмуренные густые седые брови, погасшие голубые глаза, в свете свечи казавшиеся безумными, да крючковатые пальцы с тёмными пятнами на коже — вот и был весь старик. Тело он прикрывал робой, в свежем своём состоянии бывшей белой, по швам была пришита широкая красная лента. На груди золотыми нитями было вышито солнце, круглое и лучистое, гордившееся своим потухшим от времени великолепием.

Старик торопился. Не выводя буквы до конца, оставляя крупные чернильные кляксы, он что-то хотел закончить. Хотел настолько, что это было вопросом жизни и смерти. Звёзды, подглядывавшие за ним в окно, не понимали, чего боится старец.

Тень пера, вступившая с пламенем в танец, двигалась всё более резко и быстро, будто танцевала с самой смертью, сражалась за право старика закончить свой труд. Старик старался ничего не слышать, не видеть ничего, кроме стремительно грязнеющего листка перед ним, но сквозь стену его сосредоточенности пробивались тяжёлые шаги железных сапог.

Бам. Бам. Бам. Трепещущее крохотной птицей сердце старика билось в унисон с топотом приближающегося конца. Дрожащая рука стремилась вывести на бумаге последние слова, нельзя было так просто сдаться, нельзя! Бам, бам, бам. Незваная гостья приближалась. Ещё чуть-чуть, и она с добродушной улыбкой заглянет в щель между дверью и полом. Огонёк свечи заплясал задорнее. «Давай, это ещё не конец!» — слышался в танце немой крик свечного пламени.

За дверью заскрипели стыки доспехов. Больше времени не было. Перо держалось из последних сил. Сломайся оно в этот момент — и всё пропало. Натужный латный скрип сдавливал грудь отчаянием. Они уже здесь. За дверью. В стенах. За спиной. Тут. Там. Подними только глаза.

В крепкую дверь, отделявшую старика от всего мира, с силой застучали. Рука от страха дёрнулась и сбила подсвечник. Грохот золочёного метала по холодному камню противно звенел в ушах. Воск разлился тонкой дорожкой. Танец пламени завершился смертельным пируэтом, а вместе с ним погиб и свет в комнатёнке.

— Праведный! Именем короны вы заключаетесь под стражу, немедленно открывайте!

Командирский голос, не терпящий возражений, гаркал по-вороньи. Комната, погрузившись во тьму без пламени свечи, абсолютно затихла. Стук повторился.

— Праведный! Я вынужден снести дверь! Открывайте!

Предупреждения были пустой тратой времени, магистр никогда бы на них не повёлся. Вместо этого он тихо зашептал слова на незнакомом большинству языке. Ожившими созданиями они, срываясь с губ, бегали по каменным стенам и холодному полу, ища себе пристанище, прятались в складки робы Менлера и дрожали от незнакомого мирского холода. Им, рождённым из груди, где пламенела живая душа, холод был чужд и противен. Борясь с ним, они готовы были сгореть дотла.

— Праведный!

Последний крик за дверью, и тишина. Стучавший дал отмашку своим людям, и они с лёгкостью выбили дверь. Поднялась чёрная пыль, какой здесь явно не должно было быть. Она не спешила оседать, мутным облаком заполняя пространство тесной комнатухи.

— Он что, поджог устроил? Где огонь?

Тот мужчина, что стучал в дверь и вопрошал к рациональному у магистра, рискнул войти в комнату. Сначала было тихо, но затем послышался грохот старых ставней.

— Командир? — забеспокоился кто-то из толпы.

— Нет тут никакого огня. Мы опоздали.

Чёрное облако быстро рассеялось от сквозняка, наконец приоткрывая завесу тайны. На полу лежали человеческие кости, покрытые пятнами сажи — единственное, что осталось от Менлера. Череп его торжествующе ухмылялся, потешаясь над собравшимися солдафонами, а запах палёной плоти не спешил выветриваться, найдя себе пристанище в щелях между камнями толстой башенной стены.

Лишь звёздное небо, наблюдавшее за происходящим с самого начала, знало, что произошло на самом деле. Вот только оно — самый преданный хранитель любых тайн, и эта тоже умрёт с рассветом.

Что-то капнуло на лоб. Крупной вязкой каплей оно потекло по лицу вниз, обогнув чуть вздёрнутый нос и собравшись у уголка губ. Губы разомкнул кончик языка, слизывая назойливую каплю. Рот наполнился мерзким железным вкусом.

Маленький мальчик, всё ещё осознававший, что его имя Вилар, открыл глаза. Он не видел ничего, кроме темноты, и под ногами была пустота. Он парил где-то в воздухе, в незнакомом пространстве, являвшимся отражением полного ничто. Ну или просто его глаза не были способны различить хоть что-нибудь вокруг.

Крохотными ручками он шарил в пространстве перед собой, но находил лишь пустоту. Ногами можно было перебирать хоть до измождения, всё равно до дна не достать. А откуда-то сверху изредка падали густые алые капли. Зачем они падали, если у Вилара они уже есть?

Стоило лишь уколоть палец, и на нём расцветал лепесток, подобный этим каплям, такой же красный и железный.

Здесь было холодно настолько, что можно было подумать, что родители просто увезли Вилара на самый север и закопали в сугробе. Но они никогда бы так не сделали. Они любили его больше самих себя. Вилар дрожал, но алый дождь не замерзал и, касаясь кожи мальчика, испускал тонкие струйки пара.

Впереди слышались шаги. Тяжёлые, медленные и гулкие. Вилар, конечно, лишь думал, что они впереди, потому что по звучанию он не мог различить их направление. Было ощущение, что кто-то шагает у него прямо в голове, маршируя по извилинам мозга в железных сапогах, сотрясая барабанные перепонки изнутри.

По сплошной черноте импровизированного неба пошла трещина. Длинная, угловатая и уродливая, она пропускала претонкий луч света. Он был так слаб, что практически сразу растворялся в царившей тьме, но давал обзор на главное.

В этом детёныше света стали различимы черты огромной женщины. Обнажённая, трёхликая и шестирукая, она простирала все свои конечности к Вилару, раскрывая их для объятий. Живот её от впадины между грудями до лобка был вспорот, и из него лилась чёрная смола, растекаясь по пространству и закругляясь, стремясь закрыть трещину в вышине.

— Сыночек, — слышался в голове Вилара ласковый женский голос, губы женщины остались неподвижны. — Помоги мне. Спаси меня, Вилар! Не дай мне исчезнуть! Не дай!

Каждый её возглас был громче предыдущего. Вилар вскрикнул, закрыв уши руками, из которых по шее потекла кровь. Он кричал, пытаясь заглушить голос внутри, но он всегда был громче. Тяжёлый, давящий крик, умоляющий о спасении, был словно острый нож, протыкающий тело бешеными ударами...

... Вилар резко сел. Тяжело дыша, он оглядывал свою комнату, сжимал руками тонкое летнее одеяло. Руками большими, взрослыми, с чуть мозолистыми сильными пальцами. Каштановые волосы были в полном беспорядке, зелёные глаза сверкали тем самым детским страхом, который он испытал, когда ему впервые явилась эта женщина.

Опять этот сон. С ранних лет ему снилось одно и то же, и ни один магистр не знал, как от этого избавиться. Никакие средства не помогали. Гулко вздохнув, Вилар встал с кровати и потянулся, взглянув в окно. Было светло, судя по положению солнца, был почти полдень. Горожане сновали туда-сюда, подчиняясь каким-то своим делам. Иногда Вилар жалел, что ему пришлось переехать из родной деревни в шумный город. Порой хотелось просыпаться с видом на подлесок, такой спокойный и тихий.

Подойдя к бочке, стоявшей в углу комнаты, Вилар несколько раз ополоснул лицо прохладной водой. Стало полегче, морок сна почти рассеялся. Вот и хорошо. Этот день обещал быть насыщенным, нужна была вся его бодрость, так что не было времени заикливаться на чём-то, на что он повлиять был не в силах.

— Так чего, говоришь, твоим ребятам не хватает?

— Я говорю, нужны новые наплечники. Эти совсем плохи. — Вилар показал свой наплечник с явными следами износа. — Вон ржавчина, здесь потёртость!

— Да отслужат они ещё! Не придумывай!

— Да что ты говоришь?!

Как день начался не слишком хорошо, так и продолжился с фальшивых нот. Вилар горячо спорил с орденским заведующим оружейным складом, и так было каждый раз, когда речь заходила о замене непригодных доспехов или о новом оружии. Заведующий хмурился, всё время оставляя пометки в своём нескончаемом пергаменте, ворчал себе под нос и перекрикивался с Виларом, как девка базарная. Крючковатый нос его был похож на клюв чинной и наглой птицы, мелкие хитрые глазки бегали туда-сюда по строчкам, которые и гроша не стоили, ведь были сплошным враньём.

— Мне. Нужны. Наплечники.

Вилар был как никогда зол, отчеканивал каждое слово. У виска предательски вздулась венка, дополнительно выдавая его раздражение. А заведующий лишь хмыкал.

— Вилар, иди уже своей дорогой, нет у меня ничего! Нет!

— Есть! Святейший сказал, что недавно было пополнение склада за счёт королевской казны.

Маленькие глазки быстрее забегали по строчкам. Птичий нос поник. Вилар знал, куда давить — этот товарищ давно был не чист на руку. Нужно было только подковырнуть гниющую рану его совести, чтобы доставить ощутимый дискомфорт.

— Может, мы с ним поднимем учётные бумаги? Надо же знать, куда делись средства, отданные на наплечники и другие доспехи. Если у нас завёлся вор, — заговорил Вилар на тон тише, поближе наклонившись к заведующему, — надо его поймать. И наказать по всей строгости. Ты ведь согласен?

Каждым своим словом Вилар играл на нервах заведующего как на лютне. Тянул струну за струной, накаляя обстановку. Тот взял себя в руки и поднял свои глазки от лживых бумаг, хмыкнув.

— Ладно! Найду я тебе наплечники! Найду! Завтра выпишу, а теперь иди, не доставай!

Всё вышло даже лучше, чем планировалось. Вилар, удостоив заведующего кивком, выпрямился и пошёл своей дорогой. Едва он отвернулся, на губах заиграла лёгкая улыбка. Руки он расслабленно сунул в карманы штанов, большие пальцы оставив снаружи. На дороге под ногами лежал маленький камень — надо же ему быть таким неосторожным, он просто напрашивается на удар носком сапога. Так и случилось. А потом ещё раз. На третий раз камушек осознал свою ошибку и, сменив траекторию, отлетел в сторону от дороги. Пришла очередь следующего.

Расслабленно гоняя камни по пыльной тропинке, Вилар думал о том, как же власть портит людей. Причём влияет она не только на соблазнившегося, но и на окружающих. Почему он должен сейчас страдать и ждать лишний день, хотя мог выполнить поручение Ордена уже сегодня? Потому что кому-то захотелось денег? «Вот придёт беда в твой дом, тогда поймёшь, кого обворовал на самом деле», — пронеслась в голове Вилара мысль, сопровождаемая язвительным тоном внутреннего голоса.

Солнце лениво катилось по небу в сторону горизонта, сопровождая Вилара на его пути. Тёплый ветерок трепал его волосы своими пальцами, а, когда ему наскучивало, начинал гонять по земле жухлые листья, подкидывая их невысоко и кружа в причудливом танце. Осень в этом году была на редкость приятной, по крайней мере, в Тальмире. Столичный город, колыбель

королей и королев, славился несколько суровым климатом, однако сейчас об этом напоминали лишь желтеющие листья, кружевом обнимающие землю под ногами.

От раздумий и камушков отвлѣк звонкий девичий смех. Вилар поднял голову и встретился взглядом с двумя знакомыми девушками неподалѣку. Они улыбались и махали ему рукой, зазывая в таверну рядом. Улыбнувшись в ответ, но покачав головой, Вилар пошѣл дальше, по пути поймав пару воздушных поцелуев. Чего у него было не отнять, так это популярности у противоположного пола. Правда, вероятность того, что девушек привлекал не столько сам видный и красивый юноша, сколько символ солнца на его доспехе, никогда не равнялась нулю. Об этом видный и красивый юноша предпочитал думать поменьше.

Вилар шѣл к своему отряду, а, проще говоря, к добрым товарищам. Состав их, конечно, за столько лет его командования претерпел некоторые изменения, но последние полгода был стабилен, и ребята хорошо сдружились. Для Вилара они стали словно второй семьѣй. На самом деле единственной, ведь родных у него не осталось.

Наконец, показались казармы — большое каменное здание с двумя смотровыми башнями, на которых всегда кто-то дежурил. Будучи ребёнком, Вилар всегда думал, что это королевский замок, и мечтал хоть раз там побывать. Очевидно, у него это получилось.

Казармы служили жильѣм для тех, кто отважился вступить в Орден Хранителей Покоя в роли убийц чудовищ — самой многочисленной его группы. И много было храбрых юношей и девушек, что решили посвятить свою жизнь защите людей и служению истинным богам, а потому казармы никогда не пустовали.

Вилар вошѣл в здание, коротко кивнув стражнику у входа, и сразу направился в общий зал, служивший местом отдыха, где обычно собирался со своими ребятами. В этот раз людей там практически не было, и он сразу нашѣл взглядом тех, кого искал.

За деревянным круглым столом сидели четверо, и, не зная случайный прохожий о том, что их связывают дружеские отношения, даже не подумал бы, что это возможно. Сложив локти на стол и подпирая руками голову, в центре сидел светловолосый здоровяк и скучал, пока по обе стороны от него ребята поменьше о чём-то спорили. Чуть поодаль от них сидела мрачного вида женщина, положившая руку с растопыренными пальцами на стол и стучащая остриѣм кинжала между ними. Еѣ вообще не волновал шум где-то над ухом.

— Ты вообще хоть что-то умеешь? — ворчал один из спорящих, заставляя второго ярко краснеть до самых ушей.

— Лесом иди! Всѣ я могу!

— Поговори мне тут, ты даже меч в ножны с первого раза вставить не можешь. Это же абсурд!

Вилар покачал головой. Он уже привык к перепалкам Ливана и Иона, но первый в этот раз перегибал палку, уж слишком критикуя второго.

— Так, отставить ругань! — бодро вставил Вилар, подходя к друзьям. Женщина остановилась и кивнула в знак приветствия, здоровяк заметно повеселел. — Взяли бы пример со старины Огъера и Дай'Ла, сидят себе и отдыхают. Нечего тут орать.

Ребята затихли, однако переглянулись так, что было件нятно, что словесная битва их не закончена. Вот только было бы за что бороться.

— Когда мы выступаем? — заговорила Дай'Ла. Длинная чѣлка перекрывала половину еѣ лица, а из-за чѣрных волос создавалось впечатление, что еѣ разъедает тьма.

— На днях. Завтра старикашка выпишет нам оставшееся снаряжение.

— И кого на этот раз? — взбодрился Ливан, прекращая дразнить Иона.

— Оборотней. Обосновались в лесу близ замка, — коротко ответил Вилар. Ребята ожились от такой новости, явно уставшие от пограничных патрулей. У Вилара тоже руки чесались убить пару-тройку чудовищ, сделать мир чище.

— О-о, блохастые! Это хорошо. Отправим их к Первой Реке! — Огьер наконец заговорил, довольно улыбнувшись. И Вилар улыбнулся ему в ответ, проговорив:

— Да вижу я, как вы в патрулях заскучали. Я тоже. Но я не стал рисковать и решил дожждаться новых наплечников. Вроде и мелочь, но вдруг, что случится. Нынешние никуда не годятся.

Вилар смотрел на бумагу в своих руках и на снаряжение перед ним. «Четыре пары наплечников». Это было чётко написано в накладной, это же и лежало перед ним. Пальцы сжимали пергамент всё сильнее, до лёгкого хруста бумаги.

— Почему четыре? В моём отряде пять человек, включая меня, — Вилар изо всех сил старался говорить спокойно.

— Сколько было — столько и выписал! Хочешь новые, иди к кузнецу и бери заказ. Управится за несколько дней.

Будь воля Вилара, его кулак давно бы уже встретился с уродливой мордой заведующего складом. Раздражение и гнев, родившиеся в момент вручения снаряжения, росли с невероятной скоростью, вскормленные этой безалаберностью. Сомнения в том, кто в мире большие чудовища — вороватые заведующие или монстры, в такие моменты неизменно возникали в голове Вилара.

— Нет у меня пары дней, как ты не понимаешь!

Кажется, раздражение и гнев обзавелись возможностью использовать голос своего носителя.

— Ничем не могу помочь! Иди, пока не порвал накладную и не забрал всё обратно!

Сами Истинные боги, видимо, даровали Вилару моральных сил, чтобы не вlepить со всей силы этому старому крысу, поэтому он лишь взял снаряжение и пошёл прочь. Стыд мелкими шаловливыми ручонками оставлял на щеках алые пятна, гонял по коже табуны мурашек. Писклявым голосочком он врывался в его голову дурными мыслями: «Ну и какой же ты капитан? Ты даже не смог одеть себя и свой отряд. Ах, да, даже сейчас ты на первом месте, не повезло твоим ребятам!»

Когда Вилар пришёл к друзьям и рассказал о произошедшем, в зале повисла гнетущая тишина. Дай'Ла смотрела на новое снаряжение странным взглядом, по поверхности натёртого наплечника бегал солнечный лучик. Здоровяк Огьер вздохнул так, будто тяжеленный камень с плеч сбросил, и, переводя взгляд на Вилара, спросил:

— Да куда нам спешить, может и правда у кузнеца просто заказ сделаем? Наш быстро справляется обычно. В крайнем случае попросим побыстрее, подкрепляя это всё звонкой монетой.

Дай'Ла нахмурилась, отводя взгляд от солнечного блика на наплечнике, и покачала головой.

— А оборотни тем временем на кого-то нападут? Наш отряд единственный сейчас остался в окрестностях, а мы и так уже сколько времени не можем выбираться на нормальные вылазки. Я готова идти со старым снаряжением.

— Я тоже готов отдать своё, — ответил Ливан. Тут же кивнул и Ион, пробормотав что-то, означавшее такую же готовность.

Настала очередь Вилара хмуриться. Он скрестил руки на груди, чувствуя, что если не займёт их, то его кулак громко ударит по столу, за которым они все собрались.

— Нет, — резко ответил он, — если и пойдём, то у вас будет всё новое.

Редки были те моменты, когда Вилару приходилось говорить со своими товарищами по оружию с позиции авторитета, и как бы не хотелось их избежать, это было невозможно. Сейчас был именно такой. Несомненно, Вилару по-человечески было приятно, что все они так дружны и готовы уступить друг другу даже ценой собственной безопасности, но как капитан он просто не мог этого позволить.

— Мне нужно обо всём подумать, — сказав это, Вилар вышел из зала и начал прогуливаться по казарме.

Длинный коридор, соединявший две половины казармы, пустовал. Взгляд Вилара скользил по окнам, высотой доходившим почти до потолка. Сквозь прозрачное стекло пробирались солнечные лучи. Преломляясь, они меняли свою траекторию и падали на фрески, украшавшие стены.

Вилар помнил историю этих фресок. Святейший лично контролировал, чтобы они достоверно изображали историю нисхождения Истинных богов. Вот Солнце разгоняет первобытную тьму, рассекает копьём тяжёлые тучи, возвращая миру свет и прогоняя уродливых монстров. Он златокудр и прекрасен, на его лбу то же солнце, что и на доспехе Вилара. Да и не только на доспехе, вообще практически на любом одеянии Ордена Хранителей Покоя. Существовало лишь одно исключение.

Далее сюжет фрески менялся. Теперь уже в свете солнца вместо чудовищ появились люди. Они строили дома, возделывали землю, радовались и любили, и за всем этим бдела Жизнь — несменная спутница Солнца. Такая же прекрасная, как и Солнце, она наставляла людей, охраняла их быт, оберегала по ночам. На лбу богини была нарисована луна и, как говорили, символ луны украшал кое-какие орденские одежды, будучи тем самым исключением, но Вилар никогда его не видел. А вот присутствие богов мог почувствовать каждый — стоило лишь взглянуть на солнце днём и на луну ночью. Сменяя друг друга, эти боги охраняли мир, своим приходом провозгласив эру Рассвета.

Вилар дошёл до конца коридора, погружённый в собственные раздумья и религиозные фрески. Здесь за дверью находилось место молитвы. Рядом с дверью висел прибитый гвоздём пергамент с написанным эдиктом №8, именуемом «Об Истине и Лжи».

По правде сказать, Вилар никогда особенно не верил в богов. Ни в Истинных, ни в Ложных. Он считал, что, существуя боги на самом деле и будь они столь добры, как их описывают в летописях Ордена, они бы избрали ему судьбу попроще. В конце концов, он не сделал в своей жизни ничего дурного, за что должен был лишиться любящей семьи в юном возрасте.

Погружаясь в раздумья, Вилар подошёл к эдикту. Он декламировал следующее: «Всех богов, за исключением Солнца и Жизни, чьи образы есть в каждом соборе Ордена Хранителей Покоя, признать Ложными. Поклонение этим богам запрещено в каждом поселении, находящемся под защитой Ордена. При выявлении нарушений Орден оставляет за собой право уничтожить любые следы поклонения Ложным богам и покарать виновных в соответствии с текущими законами Королевства. При дальнейшем неповиновении поселение лиша-

ется покровительства Ордена Хранителей Покоя до устранения угрозы хрупкому равновесию мира».

Серьёзные, пугающие слова, что всегда пишут в законах, хорошо играли на страхе, а более эмоционально окрашенное «хрупкое равновесие мира» добивало окончательно. Потерять покровительство Ордена для поселения означало неминуемую гибель. Впрочем, сгинув по собственной глупости, отступники оставляли землю для верных и преданных людей и практически не передавали знания о Ложных богах, а потому сейчас почти нет следов поклонения им. Вилар не был уверен, как он к этому относится, но иногда был рад тому, что, куда бы он ни пошёл, его уважают лишь за принадлежность к Ордену и не мешают выполнять работу. В конце концов, было бы гораздо больше неудобств, если бы в каждом поселении ему щекотали рёбра¹ бешеные фанатики.

Вилар повернул назад, встретившись взглядом с Солнцем на фреске. Сказочно красивый копьеносец с гордостью нёс людям спасение, направлял их и избавлял от горестей, приносимых чудовищами. Смотря ему в глаза, Вилар всё больше укреплялся в том, что он обязан повести своих людей на задание и обязан обеспечить их безопасность. Губы растянулись в лёгкой усмешке, после чего он кивнул богу в знак скромной благодарности за немое наставление и направился обратно.

Вернувшись к друзьям, он выразил им то же, к чему пришёл, вышагивая среди фресок, и после недолгого мрачного молчания все с ним всё-таки согласились, хоть каждый и норовил отдать ему свою новую часть доспеха. Вилар в этом вопросе был непреклонен, он не мог подвергать Своих людей опасности. Он не мог их потерять. Только не их.

Когда была решена судьба их вылазки, настало время обсудить план. Ливан достал из своего рюкзака карту и расстелил её на столе. На карте в городах были сделаны странные отметки. Любопытство Иона проснулось и заставило его задать вопрос:

— А что это за пометки?

Ливан на это лишь ухмыльнулся.

— А ты догадайся.

Любопытство Иона не было удовлетворено таким ответом. При этом интуиция крепко спала, не желая разгадывать никакие тайны. Дай Ла было достаточно взглянуть на карту лишь раз, чтобы ответить:

— Это кабаки. Зная вкус Ливана, злчные и с кислым пойлом.

— Сама ты кислая! — возмутился Ливан, но отрицать её догадку не стал.

Небольшая эмоциональная разрядка спасла нудное обсуждение миссии. Ребята сидели своей малой кучкой над картой и рассуждали, откуда лучше атаковать, кому лучше выйти вперёд, кому поддерживать спину впереди идущему и всё в таком духе, а с лиц не сходили улыбки. План был начертан крупными мазками, как-то более детально подходить к делу никто не хотел, уж слишком много факторов были неизвестны, от направления ветра до реальной величины стаи оборотней, чётких разведданных им в этот раз не дали, а потому придётся большей частью опираться на опыт, чем на стратегию. Детали были обговорены, насколько возможно, отряд договорился о встрече и на том разошёлся по своим делам.

Дорога домой пришлась на сумерки. Вилар медленно шёл, поглядывая на зажигающиеся в темнеющем небе огни звёзд. Ему всегда думалось, что они похожи на сыпь, такую, что разъедает полотно небес. Или, быть может, это были проделки Солнца, который мечтал даровать людям нескончаемый день и старательно протыкал чёрную вуаль своим копьём. Наверняка, если он этого не сделает, солнце не взойдёт.

¹ Щекотали рёбра — мешали, отвлекали. Выражение происходит от поверья, что мелкие Ложные божки любят отвлекать прихожан от молитвы Истинным богам с помощью щекотки (разг.)

Отвлекаясь на размышления о небе, Вилар старался не думать о старом снаряжении, которое ему придётся использовать. Однажды точно такой же случай стоил жизни одному из прошлых членов его отряда — Цвейгу. Этот смуглый юноша с горящими янтарными глазами восхищал Вилара своей отвагой, и три года назад он разрешил ему пойти со старым доспехом, ситуация была до боли похожа на текущую. Цвейг с того похода не вернулся, став ещё одной незаживающей язвой на совести Вилара. Ведь это он допустил, он разрешил.

Сердце Вилара дырявили звёзды его собственных мыслей. Не часто его посещало дурное предчувствие, и сейчас этот момент настал. Тревога колючей лозой сдавливала его шею, впиваясь в артерии и пуская кровь. Вилар покачал головой, пытаясь отогнать наваждение и думать лишь о долге перед человечеством, который они обязаны исполнить. Так и прошёл он всю дорогу до дома, полный гнусных мыслей, не дававших вдохнуть полной грудью.

Тишину, царствующую во мгле закатного неба, рассёк надрывный волчий вой. Вилар, занятый починкой кожаного ремешка наплечника, вздрогнул и повернул голову к окну, вглядываясь в бледный диск луны. В душе зрело беспокойство о грядущем дне, но в то же время оно рождало решимость побыстрее разобраться с нависшей угрозой, ведь, когда настанет полнолуние, чудовища озвереют настолько, что справиться с ними без потерь не представится возможным.

Осень, в свои права ещё не вступившая, всё равно решила напакостить охотникам и накидать сухой хрусткой травы под ноги. Вилар и его отряд двигались вглубь леса на северо-западе от города. Естественно, с подветренной стороны, чтобы оборотни их не учуяли раньше времени и не попрятались по своим логовам. Отряд подобрался так близко к предполагаемому убежищу чудовищ и затаился в напряжённом ожидании. Раздался едва различимый скулёж.

— Вон там, — прошептал Ливан, держа лук наготове и показывая кивком вперёд. За высокими кустами, где и прятался сейчас отряд, отдыхала стая оборотней.

Днём эти твари любили отсыпаться, а ночью охотиться, потому сейчас они были сонные и ленивые. Огромные волки, на две-три головы выше обычных, мирно лежали на скрытой поляне. Одна волчица вскармливала волчат.

— Щенки — это плохо, — прошептал Ион. — Надо следить, чтобы все были перебиты. Сколько их там?

— Три, — коротко бросил Вилар. Он оглядел своих ребят. — Готовы? Мы с Огьером вперёд, остальные прикрывают. Дай'Ла, на тебе выводок.

Все кивнули, и этого было достаточно. Вилар показал три пальца, поочерёдно загнул каждый, и, когда был загнут последний, они с Огьером выпрыгнули из кустов, застав полуспящих оборотней врасплох. Следом за ними пошли Ливан, Дай'Ла и Ион.

Перебить сонных волков оказалось не слишком трудной задачей, звери почти не сопротивлялись тяжёлым ударам мечей и острым стрелам. Некоторые даже встать не успели, получив клинком между глаз.

Самой яростной оказалась волчица с щенками. Она защищала своё потомство с таким упорством, с таким отчаянием, будто бы и правда что-то понимала, будто её голова не была набита инстинктами, как пугало соломой, а что-то там внутри было, что-то *обладающее душой*. Прикрывая телом своих волчат, она смотрела прямо в глаза Вилару, который занёс над ней меч.

На мгновение время словно остановилось. В пылу битвы Вилар мыслями оказался где-то совсем далеко. Он не мог отвести взгляда от волчицы, в которой видел бешеную ярость и огромный страх. Ему почудилось, что вот-вот это чудовище заплачет навзрыд понятным, абсолютно человеческим голосом, умоляя не трогать детей.

От этой мысли у Вилара чуть не дрогнула рука, но он быстро с собой справился, отрубив волчице-матери голову. Мохнатая башка с раскрытой пастью и закатившимися глазами упала рядом с щенками. Благо, ужас их был недолог, Дай'Ла уже принялась обрезать нити их жизней.

Кровь волчицы лилась густыми потоками, обезглавленная туша безжизненно завалилась на землю. Вилар не мог отвести от неё взгляда. Казалось, что он моргнёт, и мир изменится, открыв ему истинную картину обезглавленной женщины с мёртвыми детьми рядом. «Глаза... глаза этой волчицы были полны боли не за себя. Как чудовище может чувствовать хоть что-то, доступное лишь человеку?»

У Вилара почему-то снова побежали мурашки. Он столько раз убивал монстров, и единственное, что он чувствовал — триумф от победы и удовлетворение, но сейчас ему почему-то стало не по себе. Он не мог отвести взгляда от отрубленной головы, глаза которой уже остекленели. Вилар заметил собравшуюся в уголке правого глаза волчицы слезу и отвернулся.

— Ха-ха, какой забавный!

Из мыслей вырвал голос Огьера. Здоровяк звонко смеялся над чем-то. Тряхнув головой, Вилар подошёл ближе и увидел, как Дай'Ла держит за холку на вытянутой руке совсем крошечного волчонка. Он пытался рычать и брыкаться, но сделать ничего не мог.

— Такая кроха, а уже зубы скалит. Ух, какой!

Ливан дразнил волчонка пальцами. Заметив это, Вилар нахмурился и сделал шаг ближе.

— Ливан, убери руку. Я не хочу оплакивать тебя у погребального костра.

Ливан послушался, спрятав руки за спиной и смущённо отведя взгляд. А Вилар продолжил:

— Дай'Ла, это последний? Кончай его и пойдём отсюда.

Девушка кивнула. Она полезла за кинжалом свободной рукой, отвлекаясь от волчонка. Хватка её совсем чуть-чуть ослабла, но этого хватило, чтобы зверёныш задёргался и, оттолкнувшись, прыгнул прямо на Вилара, стоявшего перед ним. От неожиданности он вскрикнул, теряя равновесие, и дёрнул рукой, чтобы скинуть с себя щенка. От резкого движения ремешок наплечника надрывно треснул, доспех начал скатываться с руки.

Следующее мгновение для Вилара стало вечностью. Наплечник скатился по руке, почти до предплечья. Волчонок вцепился зубами в уязвимое, не защищённое более железом плечо. Вилар упал на спину, чувствуя, как крохотные клыки впиваются в его плоть. Волчонка тут же отодрали и прикончили, но это было где-то далеко.

Вилар сел, не видя ничего вокруг. Дрожащей рукой он коснулся плеча, которое сразу обожгло. На пальцах осталась алая кровь. Его кровь. Чудовище оставило ему рану. Даже царапины оборотней заразны, а тут целый укус.

Кровь капала с плеча на землю с оглушающим звуком. С таким же звуком будут кидать хворост для погребального костра, на котором Вилара сожгут, когда проявятся первые признаки обращения. А они обязательно проявятся, сомнений и надежд практически не было. И такими же алыми лентами, как пролитая кровь, в знак траура завяжут ему глаза. Наверняка эта

лента потемнеет от слёз. Особенно когда крадущееся пламя лизнёт голые стопы. Полопается кожа от его поцелуев, начнёт таять, оголять кости. Пламя заберёт с собой проклятие Вилара, очистит его, выжигая естество. И как же это будет больно.

Вилар замер в ужасе, который не испытывал уже очень давно. В последний раз такое потрясение с ним было в совсем юном возрасте. Его ребята тоже застыли, будто статуи, не зная, что сказать или сделать. Первым очнулся Огьер — он бросился к Вилару и чем-то из своей поясной сумки облил его плечо. Рану вновь зажгло, но Вилар не шелохнулся. Он слышал голоса ребят, слышал беспокойство, слышал возню, но в глазах его стояло лишь яркое пламя костра.

Где-то вдалеке в небо взмыла стайка ворон. От их крика Вилар пришёл в себя и начал вставать, схватившись за укушенное плечо. Замолчав, ребята начали ему помогать, будто он сейчас снова упадёт, и они начали возвращаться в город.